

ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА**ПИСЬМА**

[избранное]

I. КРИТИЙ ПЛОТИНУ

С приходом весны звонкоголосая цикада затягивает свою песнь и, пьянея от солнечных лучей, живет и звонче поет она к полудню. Летит ее песнь, и дерево становится помостом, поле — театром, и путники внемлют ее пению. Подобно ей и мы восславим твои доблести, в пламенном рвении вознося им хвалебную песнь. Мы, уже мертвые от скверной жизни, вдруг ожили от слов твоих для добродетели. Так, я, Критий, стал Плотиним, и то ли Плотин вне тела на земле философствует, то ли Философия, облекшись в плоть, пребывает как человек среди людей.

II. ДОРКОН МОСХОНУ

Погиб овечий вожак, мой дивный баран, и нет у овец предводителя стада. Злая беда пришла к нам за то, видно, что разгневал я Пана,^[1] не почтив его начатками улей. Спешу в город умилистить его. Я расскажу горожанам о его жестокости: «Из-за пчелы, скажу я им, Пан погубил вожака моего стада».

III. ФЕАНО ЕВРИДИКЕ

Увяла твоя природная краса. Благообразию грозят уже морщины, но ты хочешь обойти истину и веселишь любовников деланной красой. Покорись времени, старушка. Некрасивы осенью цветы на лугах. Вспомни близкую смерть и поневоле научись благоразумию. И перед старостью и перед юностью своей ты виновата. Молодящаяся старуха, ты обманываешь молодость и безобразной делаешь старость.

IV. ЕРМАГОР АНТИПАТРУ

Творцом положены пределы даже волне морской — пучина моря ограничена берегами, и мелкий песок лежит посреди, между сушей и морем. Не властно море обижать прибрежную землю, и бешеный прилив, хотя и грозит земле страшным натиском, все равно отступает назад. Так и ты, Антипатр, положи предел своему возбуждению, останови руку, не делай ее служанкой ярости. Верх совершенной добродетели в том, чтобы с руками вместе любомудрствовал бы и язык. Если в тебе нет сил сдержать его, тогда влеки свой дух к бесчинствам, раз уж захотелось тебе лаять по-собачьи. Так же и море в своей ярости не идет дальше пенистых волн.

V. ЭГИР ПЛАТАНУ

Злые, друг мой, завелись у нас соседи — журавли. Не на жизнь, а на смерть дерутся они за поле. Уже с родителями нашими не было у них мира, а после них и с нами не кончают они войны. Часто мы приносили им начатки урожая, даже часть поля выделили им, как посвящение богу. Но, видимо, не благоволят они к дарам. Из-за них все мы снялись с места. Легче обрабатывать скалы, чем жить на равнине и холмах во власти свирепых журавлей.

XV. АТАЛАНТА КОРИННЕ

Я видела, Коринна, Авгея в палестре. Этого зрелища не описать словами и не изобразить рукою живописца. Был крепок и статен этот юноша. Грудь у него волосата, очи — как у газели; взгляд не мрачен от гнева и не влажен от изнеженности, но мужественен и кроток. Цвет его тела ни бел до женственности, ни смугл до черноты. Волосы — в меру густые и волнистые, подобны морю в час покоя, когда, смилив дикое неистовство волн, оно ласкает прилежащую землю ровным течением. На щеках его не играет румянец, как у женщин и бледность не лишает их красоты. Нос изогнут очень величественно, и обличает мастерство художника.[2] Масло, стекая с него, сверкало, как солнце, и блеском сияющих лучей озаряло палестру. Душа болит у меня, Коринна, и горькую муку терплю я. Женщинам ведь стыдно рассказывать о любовном томлении.

XIX. ДИОГЕН ХРИСУ

Ты сторож своих богатств, а не господин их. Такой приговор вынести о тебе заставляют твои повадки. Ни в чем хорошем нечестивые души не могут участвовать. Зарой в землю и стереги свое золото, несчастный, ибо не принадлежит, а лишь вверено оно тебе. Ты хочешь быть подобен фригийцу Мидасу [3] и, голодая, богатеешь, как бы вися в золотой петле.

XX. ХЛОАЗОН МИКОНУ

Вчера, Микон, я послал груши своей милой. Она же, получив подарки, встала, отложила в сторону уток и пряжу, и начала раздавать груши пороссятам, а посланца отослала прочь как нежеланного ей вестника. Горько плачу я. Жесток и несправедлив к нам Эрот, заставляя любить недостойную девицу. Слепы они — и судьба и эроты, ибо эроты необдуманно и как попало распределяют горести, судьба же — блага жизни.

XXI. ПЕРИКЛ РОДОПЕ

Неблагозвучна твоя песнь, не усладу, а печаль несет она любовникам. Не сладостно твое пение, похоже оно скорее на трагедию. И плачут от обиды любовники. Вместо неги, твои песни учат их целомудрию, мелодия не увлекает их. Смилуйся, ради богов, над нами, недовольными. Не на флейтистку, а на плакальщицу похожа ты в кругу любовников. Все мы залепим уши воском, если не оборвешь ты эту мелодию. Мы слушаем сирен [4] охотнее, чем плачущих муз.

XXXIV. ФЕМИСТОКЛ ХРИСИППУ

Слушай, Хрисипп, какую прекрасную басню я расскажу тебе, ведь и в басне воздана честь благоразумию.

Как-то раз к Зевсу пришли птицы, и просили Олимпийца поставить им начальника. Анархия тяготила птиц, и не было у них начальства — сего великого блага, отчего царил у них страшнейший беспорядок. Зевс внял им, желание их сбылось, и просители получили дивный дар. Дар этот был царское достоинство. Чтобы получить его, Зевс велел птицам лететь к болотам и источникам и смыть в них свою грязь. Воде поручил проверить, какая птица должна стать вожаком. Зевс ведь чтит красоту. Птицы, омывшись, опять слетелись к Зевсу, и каждая стала пред ним являть свою красу. Галка тем временем, боясь показаться дурнушкой, подделала свой природный убор и чужой красотой захотела прикрыть свое безобразие. Но сова разоблачила ее и показала, что красота у галки ненастоящая. Заметив у галки свое перо, сова вытащила его, а за ней и другие птицы стали делать с галкой то же. И галка снова превратилась в галку.

Басня эта, Хрисипп, истинна как вещий сон, научая великому благоразумию. И мы, люди, похожи на галку, своего ничего здесь не имеем, но, пока живем, на краткий миг приукрашиваем себя поддельной красотой, после смерти же отнимается у нас то, что не наше. Поэтому брось заботу об имуществе своем и о плоти, а окружи попечением бессмертную душу, ибо она невидима, и нетленна. А все наши внешние блага смертны и преходящи.

XXXVIII. ТЕТТИГОН ОРТИГОНУ

Что натворил ты, разнесчастный? И одежда на тебе уже не та, и куропаток растерял ты. Все это от вина. Вином Одиссей, говорят, выколол глаз Киклопу.[5] Посмей только теперь не собрать всех птиц, и я сам с тобой брошусь в бездну. В живых оставить распущенного сына тяжело, но еще тяжелей для отца приготовить сыну могилу прежде себя.

XXXIX. ФЕТИДА АНАКСАРХУ

Любить и Фетиду и Галатею ты не можешь. Страсть ведь не раскалывается пополам, эроты не разделяются, и ты не вынес бы двух эротов. Землю не могут греть два солнца, и одна душа не стерпит двойного пламени любви.

XL. СОКРАТ ПЛАТОНУ

Никто не наносит обид нам, мы сами бываем неправы. Человек своей волей обижает себя. И мы властны избирать доблесть или порок. У тебя отнял поле Эонид? Что же! Беда коснулась лишь посторонних вещей, душе же твоей он не нанес бесчестия. Филипп разоряет тебя, подделывая твою печать? И в этом также нет ничего обидного для тебя, ведь вещи, которые можно приобрести, не наши. Твоего сына сгубили варвары? Но и это еще не самое ужасное. Ребенок твой не был бессмертен. Еще не так давно его вообще не было у тебя. Затем он появился на свет, а теперь снова его нет,

как тогда, когда он еще не родился. Итак, люди бывают обидчиками, но не обиженными. Потому и восхищаюсь я гомеровским Киклопом,[6] который говорит, что Никто его обидел, и этим словом «никто» пастух утверждает истину.

L. КАЛАМОН СПИРОНУ

Если захотел ты быть земледельцем, то забудь о треволнениях политики. Но если любишь риториков, судилища и помосты, то убивайся ты к ворону, старик, бросивший кирку и мечтающий о тростнике и хартии! Земледельцы не пускают в свою среду сикофантов [7] и тех, кто громко орет: «Граждане судьи!»

LІ. РОДОКЛЕЯ ГИПСИПИЛЕ

Вчера ночью я проходила через Пирей [8] и видела, как твой любовник шел с Хрисиппой, и путь им освещал мальчик с факелом. Их вела подружка — старуха Абртонон. Она шла впереди, и когда я заговорила с ней, то мальчик потушил факел. Так подстроил твой любовник, чтобы темнотой прикрыть свой поступок. Не верь теперь ни льстивым словам, ни клятвам его. Что бы ни говорил он — будет лишь хитрое лукавство.

LXI. СОСТРАТ ЛИСИСТРАТУ

Удивительные и нескончаемые наши советы напоминают тебе ткацкий станок [9] Пенелопы. Ну что же, давай, примемся теперь за басню,[10] может быть, в ней мои слова коснутся твоего разума.

Стояла знойная пора; в свежей зелени деревьев прыгала и громко пела цикада, услаждаясь собственной песней. А муравей тем временем был там, где жнецы, сновал около гумна и прятал в недрах земли для себя пищу. Пришло время, и солнце покинуло северные страны, минула осень, и зима надвинулась на землю. Море забыло о тишине, мореплаватели укрылись в спасительных гаванях, земледелец вернулся к своему очагу, а муравей открыл в расщелинах земли свои запасы пищи, накопленной трудами. К нему пришла цикада, прося уделить ей от этих сокровищ. Но он громко расхохотался и отогнал певунью от своих дверей, коря ее за лень и напоминая, как она пела летом. Итак, голод получила она за песни, он — пищу за свои труды.

Про тебя, Лисистрат, сложена эта басня. Ленивай ты, и жалок больше, чем тот, кто болен лихорадкой. Ты тунеядец вдвойне. Брось, милый, лениваться. Позоришь ты свой природный дар, когда с такой телесной силой и с таким здоровьем не желаешь учиться труду.

LXXXIII. АНФИН — АМПЕЛИНУ

Вот уже настала пора для сбора винограда, и гроздь налились сладким вином. Усердней охраняй теперь главную дорогу, на помощь возьми себе критского пса, потому что руки путников не знают удержу и всегда готовы нанести обиду поту, пролитому земледельцами.

LXXXIV. ХРИСИППА — СОСИПАТРУ

Сосипатр, ты не попался в любовные сети, полюбив Анфусу. Полюбить девушку красивую — знак рассудительного взора. Не стони от того, что пленен ты красотой. Награда заставит забыть труды. Лить слезы любви приятно. Печаль эта смешана с наслаждением, и эроты, огорчая, радуют. Неодинаковые страсти вытканы на поясе Афродиты.

LXXXV. ПЛАТОН — ДИОНИСИЮ

Если хочешь пересилить свое горе, то пойдя, поброди среди могил и найдешь исцеление от муки, так как увидишь, что даже у самых счастливых людей от их надменности не осталось ничего, кроме праха.

КОММЕНТАРИИ

Феофилакт Симокатта
(первая половина VII в.)

Феофилакт Симокатта, уроженец Египта, - один из талантливых представителей того риторического направления в литературе, которое развивала с V в. риторская школа Газы и которое достигло наивысшего расцвета во время Фотия (IX в.). Феофилакт дал великолепные образцы популярных жанров риторики - рассказов о чудесном ("О непонятных явлениях в природе") и вымышленных писем ("Письма нравоучительные, сельские, любовные"). Первое из этих сочинений написано в форме диалога двух персонажей (Антисфена и Поликрата), которые обсуждают традиционные для античной риторики темы, хорошо знакомые нам по "Рассказам о животных" Элиана, например: "Почему на аттический мед не садятся пчелы?", "Почему вороны не поют весной?" Эти рассказы о необыкновенном в природе пользовались большим успехом и не раз перерабатывались в средние века. Не менее популярны были и его "Письма". Феофилакт продолжает традицию созданного второй софистикой жанра фиктивного литературного письма. Эпистолярная литература как художественный жанр служила формой воссоздания этического портрета личности и разделялась во второй софистике на письма философские (т. е. приписываемые знаменитым философам), любовные (письма Филострата, Аристенета), письма рыбаков, крестьян, паразитов (Алкифрон, Элиан). Феофилакт объединяет в своем сборнике письма трех родов: нравоучительные, сельские и любовные и располагает их по триадам, включающим по одному письму каждого рода. Имена авторов и адресатов он заимствует из реальной истории (Перикл, Плотин, Платон, Сократ и др.), из мифологии (Аталанта, Фетида), из художественной литературы (Абротон — персонаж комедии, Коридон - персонаж буколки) или создает этимологически. Так, например, в сельских письмах мы встречаем такие имена, как Теттигон (от теттис — цикада), Ортигон (от ортикс - перепел), Ампелин (от ампелос — виноградная лоза), Анфин (от анфос - цветок). Письма нравоучительные строятся по обычным предписаниям практической морали — осуждение скупости, проповедь стойкости и т.д. В двух подобного рода письмах мы находим пересказ басен. Сельские письма близки к буколке и письмам Алкифрона с их идеализацией жизни, далекой от политики, заполненной заботами о пастбище и пашне. В любовных письмах звучат отголоски комедии и приводятся любопытные описания внешности. Язык писем украшен пышным орнаментом сравнений и красочных деталей. Средние века ценили эпистолярный сборник Феофилакта как лучшее средство выработки стиля. В XVI в. письма были переведены на латинский язык Коперником и

изданы в Кракове в 1509 г.

Меньшей популярностью пользовалась его "История" в 8-ми книгах, описывающая правление Маврикия (582 - 602 гг.)

1. Пан - божество пастбищ и лесов.
2. Текст в рукописи испорчен.
3. Мидас - миф. царь фригийцев, с именем которого связано несколько легенд. Одна из них рисует образ скупца, который, когда ему было предложено просить у Диониса все, что угодно, попросил, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Исполнение этого желания принесло Мидасу страшное несчастье, лишив его возможности вкушать пищу, которая превращалась от его прикосновения в золото.
4. Сирены - сказ. обитательницы морского острова, чарующее пение которых влечет к себе всех, кто их слышит.
5. См. "Одиссея" IX, 345-390.
6. *...отмстил бы*
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес.
("Одиссея" IX, 459-461. Перев. В. Жуковского).
7. Сикофанты - доносчики.
8. Пирей - морской порт, пригород Афин.
9. "Одиссея" II, 88-110.
10. Этот сюжет сохранился в прозаическом басенном сборнике "Ромул", составленном в IV-V вв. (см. в кн. Федр, Бабрий. Басни. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С.86, 220).

Воспроизведено по изданию: Памятники византийской литературы IV - IX вв./ Отв. ред.: Фрейберг Л.А. - М., 1968. - С. 244-249.

Перевод Т.А. Миллер